

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛАТОНИЗМ

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
доцент Сретенской духовной академии
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Общecerковной аспирантуры и докторантуры
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: Задорнов А. В., прот. *Философия права и политический платонизм* // *Праксис*. 2024. № 1 (14). С. 128–138. DOI: 10.31802/PRAXIS.2024.14.1.008

Аннотация

УДК 340.123

В статье сравниваются подходы к политическому наследию главного мирового философа в рамках политической теологии, философии права и позднего немецкого романтизма XX века. Анализируется общее и различное в этих взглядах на платонизм и возможность актуального применения этих подходов.

Ключевые слова: практическая теология, философия права, политическое богословие, платонизм.

Philosophy of Law and Political Platonism

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines
at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department

Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies
Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Philosophy of Law and Political Platonism"
Praxis, № 1 (14), 2024, pp. 128–138 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2024.14.1.008

Abstract. The article compares the approaches to the political heritage of the world's main philosopher within the framework of political theology, philosophy of law and late German romanticism of the XX century. The common and different in these views on Platonism and the possibility of actual application of these approaches are analyzed.

Keywords: Practical theology, philosophy of law, political theology, Platonism.

Вышедшая в 2024 году монография доцента кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета П. Л. Лихтера «Правовая реальность в пещере Платона» заставляет ещё раз обратиться к тем линиям интерпретации античного наследия, которые конструируют из него «политический платонизм». Амбициозная задача («поиск методологической возможности выявления существенных качеств и эссенциальных элементов правовой реальности ... в контексте объективного идеализма»¹) решается автором в шести главах работы через исследование самой проблемы онтологического статуса правовой реальности, рисков её искажения и гносеологических аспектов, а также роли в формировании (или всё же раскрытии?) правовой реальности аксиологии, этики и эстетики².

Пользу объективного идеализма автор видит, прежде всего, в профилактике субъективизации права и методологического редукционизма. Первая опасна дезинтеграцией между системами объективных ценностей и легальных норм, второй — признанием подлинного существования только за физической реальностью. В последнем случае следует дополнить феноменальную реальность эйдологией, поскольку «в сугубо техническом смысле теория эйдосов предполагает сочетание эйдетической и феноменальной перспектив за счёт того, что в сознании людей идеи принимают вид либо нейтральных, либо аксиологизированных родовых понятий» (например, «свобода», «равенство», «справедливость»)³. Собственно, все последующие главы монографии — попытка обосновать объективный масштаб правовой реальности, то есть независимую от мнений идею права.

С точки зрения гносеологии помощь в таком обосновании могут обосновать только те исторические парадигмы, которые связаны с диалектикой (Парменид, Гераклит), причем самым радикальным образом — то есть, по преимуществу, платонизм. Именно платонизм, по мысли автора, преодолевает субъективизм идеи права через понятие справедливости, необходимое для правильной балансировки частей человеческой души, нарушение которой и приводит к искажению правовой реальности. Функциональная справедливость (обеспечивающая благоприятные последствия для её носителя) — лишь предпосылка эссенциальной

1 Лихтер П. Л. Правовая реальность в пещере Платона: онтологические основания юриспруденции: монография. М., 2024. С. 5.

2 Тому же автору принадлежит также интересная работа по философии права: Лихтер П. Л. Философские основания юриспруденции: исторические аспекты и тенденции развития: учебное пособие. Пенза, 2022.

3 Там же. С. 28.

справедливости, которая является ценностью *per se*. Но поскольку в феноменальном мире такая справедливость сталкивается с темными сторонами человеческой души (подробно описанными Платоном в целом ряде диалогов), то основная задача юриспруденции — выработка «предложений о корректировке аксиологического разрыва между идеальными элементами правовой реальности и фиктивными, которые на деле представляют собой прикрытие для темных дел власть имущих»⁴.

Кажется, П. Лихтер излишне «кантизирует» Платона, приписывая ему полагание справедливости в качестве последнего основания всякой правовой реальности, ценного само по себе. При этом идеи общего блага и золотой середины, кажущиеся автору инструментами формирования правовой реальности, снова приводят к проблеме утилитаризма и тем самым пропадает тот эффект независимости права, о котором автор пишет ранее: «При различии различных элементов правовой реальности (идеалов, ценностей, принципов) они подлежат взвешиванию не сами по себе, но взаимосвязи с другими сферами общественных отношений, которые их питают: этической, социальной, эстетической и т. д.»⁵. Автор, кажется, не замечает, что помещение правового идеала в контекст «других сфер общественных отношений» разрушает декларированный ранее объективизм того же принципа справедливости.

Разрушает его и отмеченный автором антропологический поворот в юриспруденции, сделавший правовую реальность лишь частью сознания индивида, а также отказ от поиска абсолютных истин в постмодернизме. Помочь отказаться от принципа антропоцентризма может введение платоновской категории «общего блага» в качестве формируемой высшими судебными органами (в том числе — Конституционным судом!) иерархии социально-правовых ценностей.

Специальная глава работы посвящена взаимосвязи эстетики и онтологии права. Здесь П. Лихтер спекулятивно связывает используемую в решениях Конституционного суда эстетическую категорию гармонии с пропорциональностью и симметричностью прав, возводя их к базовому правовому принципу справедливости: «Правовые институты, нормы и факты подлежат сравнению с эйдосами высших принципов справедливости и блага; соответственно, всякий элемент правовой реальности — это некая ценность»⁶.

4 Там же. С. 78.

5 Лихтер П. Л. Правовая реальность в пещере Платона: онтологические основания юриспруденции. М., 2024. С. 104.

6 Там же. С. 155.

Такую жёсткую зависимость права от этики, эстетики, актуальных и общественных взглядов автор объясняет наличием принципа супервентности для взаимоотношений всех этих элементов, изучать которые возможно только холистически⁷. Если ценность индивида, исходя из платонизма, является родовой, то и определяться она должна через сопричастность гражданина тем ценностям, которые заключены в правовой, этической и эстетической сферах. Свою монографию автор заключает утверждением о возможности формирования правовых явлений с помощью эстетических категорий: «Через призму эстетики право воспринимается как объективная реальность, обладающая самостоятельным онтологическим статусом»⁸.

В целом, следует конечно же приветствовать появление монографии, возвращающей юриспруденцию (в её значении *философии права*) к базовым понятиям конструирования правовой реальности. Однако ход такого конструирования не может не вызвать некоторых вопросов.

Прежде всего, это касается путей рецепции платонизма в европейской мысли после Первой мировой войны и до наших дней. Кажется бы, три великих античника своего времени — У. Виламовиц-Мёллендорф, Вальтер Ф. Отто, К. Кереньи, — проделали практически всю работу по возвращению сакрального в тот позитивистски унылый пейзаж «платонизма» XIX столетия, который отталкивал от принятия наследия Академии в качестве актуального. Но только поэтическое мышление смогло завершить этот процесс, сделав Платона современником не только Гёльдерлина, но и Рильке, и Хайдеггера, и других поэтов.

Поворот этот давно и хорошо изучен, его исследования прямо говорят об аристократическом характере такого поворота. Наложённый на консервативное наследие немецкого романтизма и послевоенную фрустрацию, такой аристократизм неизбежно находил своё продолжение во всевозможных объединениях вождистского типа. Эти круги хорошо в своё время характеризовались А. Ф. Лосевым как объединение (в платоновском смысле) внутренне духовно-свободных и прекрасных людей, у которых нельзя отнять их свободы, поскольку она является их субстанцией, а не акциденцией.

Самое известное из этих объединений — круг Стефана Георге «Тайная Германия», значение которого трудно переоценить, а перечень персоналий только первого плана достаточно впечатляющ — от заговорщика

7 См.: Там же. С. 17–19.

8 Лихтер П. Л. Правовая реальность в пещере Платона: онтологические основания юриспруденции. М., 2024. С. 104. Там же. С. 159.

Штауфенберга до медиевиста Канторовича. «Эстетический фундаментализм», исповедуемый Георге, должен был помочь взглянуть на Платона как на политического философа, лепившего из самого себя образ вождя. Как справедливо указывает автор прекрасного исследования этого сюжета Рихард Поле, «ставший темой всех работ о Платоне переход от «образователя и формирователя людей» к «основателю государства», а также противоречие между этими ролями, вопрос о конкретной политической воле Платона»⁹ стал центральным для этого немецкого консервативного платонизма.

При этом русскому читателю не следует обольщаться качеством этого консерватизма. По свидетельству ближайших учеников, центральным пунктом доктрины Георге, усилившийся по понятным причинам в Первую мировую войну, было обвинение русских в беспрецедентной жестокости, отличающей их от европейцев: «Ничто из того, что касается русских, не избежало его обвинений. Если Георге не осуждал их варварство и жестокость, то обвинял в том, что они слабые и ни на что не способные... Георге чувствовал те же самые качества и в русской литературе»¹⁰.

Попытки привнести поэзию в мир строгой науки дали свои положительные результаты. Если Хайдеггеру для обращения к греческой поэзии потребовался *kehre* послевоенных лет, то лучшая (по оценке самого Георге) книга о Платоне нового романтизма была написана и издана в начале Первой мировой войны Генрихом Фридеманом¹¹, погибшим (как и положено романтическому автору) на фронте через год после её выхода в возрасте двадцати шести лет.

Как и призывал Георге, книга — порождение поэтического, а не научного духа, намеренно лишена научного аппарата (сохранены только ссылки на диалоги самого Платона) и потому закономерно прошла мимо академической публики. Что не мешает ей быть популярной в среде консервативного романтизма до сих пор. Платон Фридемана — итог развития греческой мысли, поднявшийся от эйдосов Сократа к идее чистого Бытия (то, что десятилетие спустя Лосев назовёт дифференциальностью эйдоса и интегральностью идеи).

9 Поле Р. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933) / пер. с нем. А. Перцева и О. Матвейчева. СПб., 2021. (Platoniana). С. 385.

10 Нортон Р. Тайная Германия. Стефан Георге и его круг / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб., 2016. С. 554. Тот же исследователь утверждает: «Для Георге русские были истинным и действительно опасным для жизни противником, и он ненавидел их с такой страстью, какой не выражал ни к какому другому народу» (Там же).

11 См. рус. перевод: Фридеман Г. Платон. Его гештальт / пер. с нем. Д. Кузницына. СПб., 2020. (Platoniana).

Платонизм по Фридеману — это жизненная форма, а не наука, религиозная воля, а не «свободная от оценок» научная концепция. Как и в случае умаления ценности индивида в монографии П. Лихтера, мы видим у Фридемана восторг перед фигурой героя, венчающего общественного иерархию, но отрицающего автономию личности. Сильно трансформированный Платон у Фридемана — автор идеи общества, каждая страта которого (дюмезилевская триада «жрецы-воины-производители (ремесленники/торговцы)») призвана обеспечить выполнение вождём своего предназначения.

Именно с помощью мифа Платон возвышает своего учителя до статуса героя, порождающего собственный культ. Платоновская «Полития» — руководство по отправлению этого культа и следования за его вождём. «Во всех законах «Политии», — резюмирует Фридеман — в самом отдалённом ветвлении её статусов, сквозит оживляющая их воля, стремящаяся уберечь от обесценивания и распада то мест о в государстве, где культовая общность, продолжая созидать новое усилиями своей плоти, речами и жестами, может стать почвой, на которой единичный человек не останется всегда таковым, а сделается постоянно пульсирующим звеном культово-государственного организма»¹².

Эта боязнь индивидуации, характерная не только для круга Георге и подобных ему, заставляет Фридемана противопоставлять в платонизме тело и жизнь рассудку и содержанию мышления. Цельность и неразделённость жизни — то же самое требование, которое мы видели у современного автора под названием «холистического исследования»: «Основать царство и охватить его колебательными движениями общего духовного ритма — вот в чём заключается цель несения стражи»¹³. Интересно, что Фридеман критикует представление о третьем сословии только как об обеспечивающем служение стражей и мысль правителей-философов. Народ призван осуществлять рассудительность, выраженную в гармонии отношений власти и народа, равно стремящихся к установлению справедливости — это и есть смысл государственного установления. Насмехаясь над привычным образом демократии («равенство — вещь выдуманная, а не положенная природой, и нужда в нём возникает, лишь когда жизненные соки больше не прибывают»), Фридеман видим подлинное высшее равенство в единообразии внутреннего строения царства и протекающих в нём процессов.

Эллиństwo нельзя постичь одним лишь знанием — афоризм Фридемана приложим ко всему кругу Георге и его сегодняшних адептов. То же

12 Там же. С. 285.

13 Там же. С. 307.

относится к применению подхода Георге ко всему античному наследию — так Эдгар Залин исследует политическую философию платонизма в сравнении с взглядами Зенона и стоиков, Цицерона и греческими утопистами. Этот изгнанный Георге из своего круга мыслитель ставит платоновские *Законы* наравне с его *Политией*, поскольку здесь Платон не создаёт новую философию права, но привносит свою волю к воспитанию людей в законы. Политический платонизм по Залину сочетает политический эффект и воспитательную функцию.

Точное наблюдение Э. Залина над востребованностью платоновской философии права именно во время кризиса заставляет его признать, что на вершине имперской власти Рима политический платонизм не был востребован в виде размышления о новом государственном строительстве. И лишь при распаде империи, когда стал актуальным «вопрос о политическом переустройстве, когда на Востоке уже образовались новые теократические державы, вновь оживилась вера в целительную силу платоновской *politeia*»¹⁴.

Русский политический платонизм во многом следует вектору нового немецкого романтизма, иногда (поэтически) — чуть ли не напрямую заимствуя основные характеристики круга Георге и ему подобных. Если в первой трети XX столетия можно рассматривать тексты свящ. Павла Флоренского и А. Ф. Лосева как теологическую реакцию на новый тоталитаризм и желание указать корни последнего¹⁵, то век спустя политический платонизм встраивается в несоразмерно более широкий контекст.

В 2014 году появляются три монографии А. Г. Дугина¹⁶, определяющие этот новый контекст. Две из них являются введением в проект *Ноомахия* и методологически подчинены законам этой серии: исследовать человеческую историю и современность как непрекращающуюся войну многообразных цивилизационных проектов, основанных на трёх ноологических парадигмах (трёх Логосах — Аполлона, Диониса и Кибелы). В греческом мире, как нетрудно догадаться, за аполлонический Логос отвечает Платон, дионисийский представлен Аристотелем,

14 Залин Э. Платон и греческая утопия / пер. с нем. Л. Ланника. СПб., 2023. С. 411.

15 См.: «Предполагаемое государственное устройство в будущем» Флоренского (текст 1933 года).

16 См. также переиздания: Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М., 2014; Дугин А. Г. *Politica aeterna*: политический платонизм и «черное просвещение». М., 2020; Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М., 2024.

а темный логос Кибелы произрастает из ионийской философии, ато-мизма Демокрита и тянется в мир модерна и его философии. Три базовые парадигмы, называемые Логосами, также автором представляются как Империи, поскольку именно в её политическом устройстве могут сосуществовать различные, но включённые в общую систему единицы.

В Империи есть центр и периферия, иерархии и сектора, многоуровневые структуры управления, политики и экономических моделей. И тогда оказывается, что «Империя Аполлона — это вселенский Платонополис, царство, в котором правят стражи-философы, определяющие, исходя из строя светлого Логоса, основные черты цивилизации. Эта империя основывается на божественной вечности и не имеет ни начала, ни конца (отсюда такие теории как *Roma aeterna*, вечный Рим)»¹⁷.

Раскрытию свойств и значения этой Империи посвящён лекционный курс А. Г. Дугина того же 2014 года *Politica aeterna: политический платонизм и «черное просвещение»*. Здесь вся первая часть работы посвящена исключительно политическому платонизму, а все последующие части — его отражению в типах политических теологий и парадигмах Модерна и Постмодерна. Значение Платона в этой перспективе, прежде всего, в том, что идеальное государство и *политическое* в диалоге «Государство» — являются смыслом практически всей последующей истории мысли¹⁸. «Платону, — справедливо замечает Дугин, — не удалось при жизни построить политическую систему, описанную в «Государстве», и вполне допустимо, что её невозможно построить вообще, но он сумел обосновать Политическое, «государство философов», идеальное государство или Каллиполис»¹⁹.

Интересен анализ отношений христианства и платонизма в монографии «В поисках темного Логоса». Здесь эти отношения расположены между двумя крайними суждениями — *Платонизм и христианство несовместимы* и *Христианство обязано платонизму всем*. Подобно ткани с прорезями, накладываемой на платоническую картину мира, христианство «несовместимо с этой картиной целиком, но с какой-то частью не просто совместимо, но тождественно... Христианство накладывается именно на платоническую картину мира, на платонически

17 Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М., 2024. С. 419.

18 Эта история доведена в данном университетском курсе вплоть до новомодной «объективно ориентированной онтологии» Г.Хармана и Н.Лэнда, уничтожающей человеческое вообще.

19 Дугин А. Г. *Politica aeterna: политический платонизм и «черное просвещение»*. М., 2020. С. 21.

осмысленный космос»²⁰. Здесь невозможно не вспомнить соответствующие пассажи из «Мнимостей в геометрии» свящ. П. Флоренского, но ещё более — первую книгу лосевского первого Восьмикнижия — «Античный космос и современная наука» (1927), исходящую из той же аксиомы.

Собственно, Лосевым и завершается сегодняшний русский политический платонизм — по-прежнему завершается, несмотря на все достижения (действительные и мнимые) русской мысли последнего полувека. Новая терминология, новые парадигмы, вызовы и т. д. не могут отменить необходимости простой, обычной, кропотливой филологической работы по вчитыванию в тексты Платона. И потому остаётся лосевская диалектика, применённая им не только по отношению к платонизму как таковому, но, по преимуществу к фигуре самого Платона: «Апологет монахов и философ полиции, защитник рабства и мистического коммунизма, профессор догматического богословия, гонитель искусств и наук, заклятый враг семьи и брака, душитель любви и женский эмансипатор, мистик-экстатик и блестящий художник, проповедник казармы, аборт и детоубийства, музыкального воспитания души, педераст, моралист, строжайший аскет и диалектик — вот что такое Платон; и это всё — диалектически-органическая целость, единый и цельный лик философа, единый и цельный стиль платонизма»²¹.

Остаётся признать, что «Очерки античного символизма и мифологии» Лосева — до сих пор лучшее исследование оснований политической теологии вообще и политического платонизма в частности. Игнорировать его — означает рисковать заново изобретать религиозно-философский велосипед или подменить платонизм очередной утопией мироустройства. Будем надеяться, что традиция русской мысли поможет этого избежать.

Библиография

Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект, 2014.

Дугин А. Г. *Politica aeterna*: политический платонизм и «черное просвещение». М.: Академический проект, 2020.

Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М.: Академический проект, 2024.

20 Дугин А. Г. В поисках темного Логоса (философско-богословские очерки). М., 2014. С. 262–263.

21 Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 904.

- Залин Э.* Платон и греческая утопия / пер. с нем. Л. Ланника. СПб.: Владимир Даль, 2023.
- Лихтер П. Л.* Философские основания юриспруденции: исторические аспекты и тенденции развития: учебное пособие. Пенза: Изд. ПГУ, 2022.
- Лихтер П. Л.* Правовая реальность в пещере Платона: онтологические основания юриспруденции: монография. М.: Проспект, 2024.
- Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
- Нортон Р.* Тайная Германия. Стефан Георге и его круг / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2016.
- Поле Р.* Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933) / пер. с нем. А. Перцева и О. Матвейчева. СПб.: Владимир Даль, 2021. (Platoniana).
- Фридеман Г.* Платон. Его гештальт / пер. с нем. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2020. (Platoniana).